В отличие от времени в доме Бьянки, когда я падаю без сознания в своей жалкой темнице, частица сознания остается со мной. Я слышу, как Финн обрушивает словесный ад на королевских гвардейцев, которые затащили меня сюда, и звон ключей в замке моей камеры.

"Тихо, Финн", - говорит лорд Вольфганг. Удивление при виде его присутствия немного поднимает меня, и мои глаза прищуриваются в камере. Командир королевской гвардии, о котором ходят слухи, что он редко покидает сторону моего отца, спустился сюда, чтобы забрать меня? Я чувствую себя таким особенным, думаю я с сарказмом.

Большие, но нежные руки держат мои запястья, и с грохотом металла на землю спадают цепи. Меня поднимают и кладут кому-то на плечо, а желтые волосы щекочут мой нос.

"Ф-Финн.." слабо произношу я. Забудьте об обморочном состоянии как у девицы в беде, меня несет милый, но раздражающий Финн! Замри, мое юное сердце.

"Просто отдыхай, ваше высочество", - мягко говорит он. Мои веки снова тяжелеют, и я закрываю их, но чувствую легкое смущение, делая это.

"Вы не можете позволить, чтобы это дело просто было забыто, как инцидент с отравлением. Это слишком много, Вольфганг!" - сердито шипит Финн. Пока я лежу на его плече, пахнущем мужским мускусом, я поднимаю брови от его неформального обращения к Вольфгангу. Подчиненный, называющий капитана по имени, - это повод для взыскания, в этом я уверен.

Вольфганг издает громкий усталый вздох. "Да, я знаю".

"Они заходят слишком далеко!" - дальше спорит Финн.

"Да".

"Да? Это все, что ты можешь сказать? Не прошло и месяца с тех пор, как ты нашел ее, а уже произошло два инцидента. Два! И наша королевская гвардия замешана в одном из них!" Финн очень возбужден, и мне приятно слышать, что кто-то беспокоится о моем деле. До сих пор это казалось невероятно односторонней битвой с моей стороны.

Я чувствую, как угасающий солнечный свет падает на мое лицо, и знаю, что мы вышли из темницы. Я никогда не хочу возвращаться в это сырое, безжизненное место, и я знаю, что то, что я видел, едва царапает поверхность этой тюрьмы.

Обратный путь к моему дворцу относительно тих, но я чувствую кипящую злость под спокойным внешним видом Финна. Я слышу, как Мари плачет, когда меня передают из мускулистых объятий Финна в более мягкие Мари. Все расплывается, и, думаю, я заснул, потому что в следующий раз, когда я открываю глаза, я лежу на своей кровати в ночной рубашке. Финн был прав. Слишком многое произошло со мной за это короткое время. Я поворачиваю лодыжку и чувствую укол боли, но кроме этого и прокушенного языка, я не так уж сильно пострадал. Но кто знает, как долго это продлится, прежде чем вместо небольших вывихов у меня окажутся сломанные кости или еще хуже?

Легко понять, почему зимой в NoveIkiss в итоге пала и приняла удары, не сопротивляясь. Но именно это в конечном итоге ее и убило. Мари задремала в кресле рядом с моей кроватью, мерцающая свеча, которую она принесла с собой, почти прогорела, не осталось почти никакого воска. Она забыла закрыть одну из занавесок, и яркий луч света из окна освещает кончик моей кровати. Я выбираюсь из-под одеяла, чувствуя себя широко бодрствующим, и растягиваюсь в луче света, любуясь луной.

Это одно из того, что я так люблю в этом мире. Ночное небо. В современном мире, из которого я изначально родом, были свои преимущества, но в лучшем случае можно было увидеть только горстку звезд в затянутом дымкой небе. Но здесь? Как будто художник взмахнул белой кистью по темному холсту. Небо усеяно большим количеством звезд, чем я могу когда-либо мечтать сосчитать, и я чувствую спокойствие, любуясь луной, вечно меняющейся луной. Созвездия не те же самые, я не могу найти Большую Медведицу или Орион, как бы ни старался, но солнце и луна по-прежнему висят на небе, независимо от того, где я нахожусь.

Я должна стать больше похожей на луну. Я протягиваю свою маленькую бледную руку к узкому серпу, сверкающему маяком в полночном небе. Всегда показывающий разную сторону себя тем, кто смотрит, редко раскрывающий свое истинное лицо, пока не наступит подходящий момент. И я точно знаю, с чего начать, мои губы искривляются в гримасе, когда я думаю о них. О тех, кто возложил руки на того, на кого не должен был. Королевская гвардия. Беррик.

Их договорная сила не должна недооцениваться, так как они состоят из элитных бойцов и известных семей Империи. Они играют более важную роль в Империи, чем им приписывают, и императрица Катя имеет значительную долю в них в лице Беррика. Его тенистый взгляд не выходит у меня из головы, и я не могу понять, упоминался ли он в NoveIkiss. Я должна найти способ как можно скорее достать бумаги под половицами в доме Бьянки.

Но как? Я убираю руку к груди, находя больше вопросов, чем ответов.

В ранние утренние часы я не единственная потерянная душа, ищущая утешения в луне сегодня ночью. Недалеко отсюда, в королевском кабинете, император Гелио безэмоционально смотрит на луну из своего окна.

"Что-нибудь еще, Вольфганг?" - спросил он, не отрывая взгляда от открывающегося вида, чтобы посмотреть на своего верного помощника.

"Хелио," - сказал Вольфганг, называя его истинным именем, как всегда делал, когда они оставались наедине, - "Это уже второй инцидент за этот месяц. Даже если тебе все равно, разве ты не думаешь, что это слишком много для ребенка?"

"Дворец - жестокое место. Если я буду ее баловать, она станет слабой. Мне не нужен слабый ребенок".

В голосе Хелио звучала беззаботность, но за годы совместных сражений Вольфганг мог уловить едва заметные изменения в голосе императора. Он продолжал настаивать, и его СДВГ заставляло его неустанно пинать ковровое покрытие, пока он говорил.

"Слабый ребенок намного лучше, чем мертвый".

"Не совсем". Теперь Хелио развернул свое кресло, чтобы посмотреть на Вольфганга, его золотые глаза заставляли мурашки бегать по коже мужчины, несмотря на то, что он давно привык к его ауре.

"Слабость - это просто затянувшаяся смерть".

Вольфганг подавил всплеск раздражения и отвел взгляд от лица друга, больше не в силах выдерживать его взгляд.

Хелио усмехнулся, заставив Вольфганга с любопытством посмотреть на него.

"Представить только, моя аура до сих пор оказывает такое сильное влияние на Безумного Пса, даже после всех этих лет", - сказал он с ухмылкой.

"А ведь она даже не вздрогнула, правда?" - продолжал Хелио, погрузившись в размышления. Он думал о своей крошечной дочери, которая с трудом поднялась по ступеням к его трону, чтобы встретиться с ним. В ее глазах, так идеально отражающих его собственные золотые глаза, которые он когда-то ненавидел больше всего на свете, не было ни капли страха. Последняя пара глаз, которые смотрели на него так беззаботно, была рубиново-красной, но так же быстро исчезла, как и недолговечная жизнь нежного цветка.

"Это было довольно умное решение - подойти ко мне, когда я не приглушил свою ауру. Я бы подумал, что кто-то подставил ее, если бы она не была такой юной", - задумчиво прокомментировал Хелио, не выдавая своих внутренних мыслей.

"Да, - согласился Вольфганг, - и это вовремя спасло ее от лживого прихожанина. Почему ты не разрешил мне убить его снова?"

Вольфганга называли Безумным Псом не просто так, и он часто с удовольствием безжалостно разрывал врагов Империи.

"Убийство одного муравья только предупредит колонию. Пока лучше ничего не предпринимать", - мудро сказал Хелио.

"Ничего не предпринимать?" - заныл Вольфганг. "Это.. это невозможно, Хелио! Государство заражено, нет, инфицировано врагами. Внешние военные конфликты не разрушат Империю, а те алчные паразитические дворяне и те, кто живет внутри этого чертова дворца!"

Вольфганг тяжело дышал после своего взрыва.

"Ты закончил?" - сухо спросил Хелио. Но Вольфганг не закончил, и он продолжал говорить, хотя температура в комнате значительно понизилась.

"Единственная причина, по которой принцесса Винтер так сильно подвергается нападениям, - это пророчество, которое Святая Церковь издала пять лет назад. Ты сам неудачно стал ее отцом, сразу после его издания, поэтому тебе надо взять на себя ответственность за ее безопасность".

Хелио прорычал.

"Я серьезно, Хелио, - заключил Вольфганг. - Кто знает, возможно, ты даже полюбишь эту девочку? Она кажется довольно умной".

"И с чего ты взял?" - спросил Хелио, подозрительно глядя на Вольфганга. Смертельная аура усилилась, и Вольфганг нервно ослабил тесный воротник своей формы. Это было самым большим проявлением эмоций, которые Хелио когда-либо показывал по отношению к своей дочери, уступая только моменту, когда ему сообщили о ее существовании.

"Ну, когда мы нашли ее в трущобах, мы обнаружили какие-то плохо спрятанные бумаги, исписанные непонятными каракулями. Они использовали буквы из нашего алфавита, но они были переставлены в порядке, который я никогда не видел, почти как другой язык. Не знаю, как ты, но это довольно впечатляюще для ребенка, который никогда не учился", - объяснил Вольфганг.

"И где эти бумаги?" - осторожно спросил Хелио. Вольфганг виновато почесал затылок. Он чувствовал себя ребенком, которого отчитывают родители, а не участником беседы между друзьями.

"У меня в кабинете, сэр".

"И ты не подумал показать их мне?"

"Ну.. ты никогда особо не интересовался.." - Вольфганг замолчал, когда аура достигла опасных уровней.

"Я принесу их для тебя, Хелио", - пообещал Вольфганг, отступая из комнаты, чтобы спасти свою шкуру. Командир королевской гвардии закатил глаза, как только вышел. Когда же его друг наконец-то преодолеет себя и признает, что может гораздо больше заботиться о своей дочери, чем притворяется?

http://tl.rulate.ru/book/30200/3807466